

Член-корреспондент НАМН України Катерина Амосова: «Работа — это мое самое сильное увлечение в жизни»

Катерина Николаевна Амосова принадлежит к тем счастливым людям, которые состоялись в профессии благодаря любви к ней и упорному труду. С первых минут беседы понимаешь, что огромную роль в этом сыграл отец Екатерины Николаевны — Николай Михайлович Амосов, талантливый кардиохирург, замечательный человек, чьи жизненные правила удивляют и восхищают не только тех, кому посчастливилось встретить его на жизненном пути, но и представителей последующих поколений.

Принципы, по которым жил и работал Николай Михайлович, остаются для всех, кто его любил, важным критерием оценки поступков и ценностей. «Таких людей больше нет» — эта фраза чаще всего звучит в воспоминаниях коллег, учеников и пациентов профессора Н.М. Амосова. Именно поэтому интервью с известным кардиологом, членом-корреспондентом НАМН Украины, заведующей кафедрой госпитальной терапии № 1 Национального медицинского университета им. А.А. Богомольца, доктором медицинских наук, профессором Екатериной Николаевной Амосовой невозможно представить без вопросов о ее отце — первом директоре первого в Украине института сердечно-сосудистой хирургии, сотрудники которого сегодня продолжают традиции, заложенные Н.М. Амосовым.

Катерина Николаевна, жизненные принципы Николая Михайловича, по которым он жил и о которых можно судить, читая его книги, не могут не вызывать восхищения и уважения. Какие из них, на Ваш взгляд, были наиболее важными для него?

— Одним из главных его правил было сохранять независимое положение в любых вопросах — как профессиональных, так и сугубо бытовых. Это стремление очень органично сочеталось с человечностью и полным отсутствием меркантильных побуждений. Он никогда не использовал свое положение и не обращался ни к кому с просьбами личного характера, пусть даже самыми незначительными. Не потому, что опасался встречных просьб о помощи, скорее, не желал оказаться в ситуации, когда будет вынужден пойти против правил, по которым привык жить и работать. Что касается независимости от близких людей, это, на мой взгляд, тот редкий случай полного отсутствия самодовольства и гипертрофированного чувства собственной значимости и уверенности в том, что именно ты — та звезда, вокруг которой должны вращаться планеты. Несмотря на его занятость и готовность мамы брать на себя все домашние заботы, для папы совершенно естественным и даже принципиальным было самостоятельно готовить себе завтрак, мыть после этого посуду, пришивать себе пуговицы, причем делал он это совершенно без позерства, недемонстративно и очень естественно. Этого принципа — «не одалживаться» ни в большом, ни в малом — я всегда стараюсь придерживаться, что зачастую очень облегчает жизнь.

Именно этот принцип помогал отцу жить в соответствии с другими правилами: сохранять независимость суждений, не подстраиваться под обстоятельства; не опускаться до компромисса, кривя душой; не славословить. Возможно, кто-то скажет, что в наше время достойным оправданием пренебрежения этими принципами может служить желание сделать что-то в профессии, но я отвечаю, что время, в которое жил Николай Михайлович, было более тяжелым и даже страшным. Так, от ареста по доносу его спасла только смерть И.В. Сталина. И тем не менее он так и не научился прогибаться под власть имущих — просто талантливо делал свое дело, которое было для него самым важным в жизни, никогда не шел против совести, ничего не просил для себя лично и проявлял полное равнодушие к тем благам, которые мог бы получить при желании, используя свое положение. Отец никогда не состоял в коммунистической партии, отказался от партийного билета даже во время войны.

Судя по отзывам бывших сотрудников, Николай Михайлович был достаточно жестким руководителем, и Вы отмечаете его принципиальность и неумение идти на компромисс. Однако все воспоминания бывших коллег об академике Н.М. Амосове проникнуты глубоким уважением к этому человеку и даже преклонением перед ним.

— Это неудивительно, если вспомнить, что отец никогда не использовал двойных стандартов, — он жил по тем же принципам и в соответствии с теми же требованиями, которые

предъявлял к другим. Коллеги и подчиненные не могут обижаться на руководителя, который всего себя отдает работе и больше всех переживает за каждую неудачу. Рядом с ним могли оставаться только такие же энтузиасты и высокие профессионалы, а тем, кто не дотягивал до требуемого уровня, оставалось одно — уйти. Каждая ситуация, каждое решение, касавшееся кого-либо из сотрудников, тщательно обдумывались отцом и нередко выносились на голосование коллектива. Кроме того, Николай Михайлович умел признавать свои ошибки — как врача, руководителя и даже как отца — и всегда имел достаточно мужества, чтобы публично извиниться перед человеком, в отношении которого он сделал неправильные выводы, будь то подчиненный или собственный ребенок; и это вызывало еще большее уважение к нему.

У отца было замечательное выражение — «инстинкт справедливости», именно этим инстинктом он руководствовался в отношениях с людьми и только с позиций собственной совести оценивал свои и чужие поступки. Думаю, что две вещи — «инстинкт справедливости» и публичность, т. е. наличие обратной связи (отец всегда практиковал заполнение бюллетеней, в которых врачи оценивали в баллах его работу и деятельность заведующих отделений, и всегда с волнением их просматривал), — давали ему уверенность и силы двигаться дальше. Вот почему невозможно найти человека, который негативно отзывался бы о нем как о руководителе.

В сочетании таких, казалось бы, несочетаемых качеств — огромного таланта, скромности, повышенной самокритичности, чувства справедливости и желания быть полезным обществу — и состоит, не побоюсь этого слова, величие таких людей, как Николай Михайлович.

К сожалению, сегодня само понятие «принципы» в среде медиков, включая так называемую медицинскую элиту, — в дефиците.

Все ли из тех принципов, которые Николай Михайлович стремился Вам передать, Вы восприняли сразу, или понимание их важности пришло с годами?

— Я стараюсь в основном следовать принципам отца, хотя осознаю, что мне не удастся подняться над суетой так, как это удавалось ему, всю жизнь демонстрировавшему отсутствие потребности в долгих разговорах, неформальном общении со знакомыми, спокойное и равнодушное отношение к материальным ценностям, обеспечивающим комфорт, любви проявлению накопительства (за исключением, конечно, книг, которые он покупал в огромных количествах), стремление избавляться от «ненужных» вещей, не являющихся предметами необходимости.

Кстати, использование обратной связи — я часто практикую анонимную оценку моих лекций и мастер-классов слушателями — тоже очень помогает мне верить в то, что я иду в правильном направлении. И мне не стыдно за то, что я делаю, пока врачи высоко оценивают мою работу.

Что касается других правил, которые отец старался донести не только до меня, но и до общества в целом, то осознание ценности

некоторых из них пришло с возрастом. Например, регулярно заниматься физическими упражнениями я стала далеко не сразу. Но это вполне нормально, мне кажется, надо быть готовым воспринять каждый совет; главное, чтобы было на что опереться в определенные моменты жизни. В этом отношении папа оставил мне неисчерпаемое наследство, думаю, мне хватит его до конца жизни.

Когда знакомишься с трудами Николая Михайловича, удивляешься глубине и широте его мировосприятия. Его интересы не ограничивались кардиохирургией: он имел второе, инженерное, образование и, возглавляя институт кардиохирургии, работал в институте кибернетики, много времени посвящая общественной деятельности...

— Скажу больше: в жизни отца были вещи, которые он считал не менее важными, чем увеличение количества и улучшение качества кардиохирургических операций. Его с полным правом можно назвать общественным деятелем, и хотя этот термин слишком часто звучал (да и звучит) в нашей стране, отец употреблял его чаще всего с оттенком иронии. Однако он был общественным деятелем в самом лучшем смысле этого выражения. Еще в те времена, когда не были сформулированы четко понятия первичной и вторичной сердечно-сосудистой профилактики, Николай Михайлович огромное значение придавал своей просветительской деятельности, которая, кстати, вызывала непонимание у коллег. Поездки по городам с лекциями о правильном образе жизни, воспитании детей, личности, полезной обществу, важности формирования гражданского самосознания, несмотря на его колоссальную занятость в институте, — все это воспринималось окружающими с изрядной долей скептицизма. Но для отца было крайне важно донести результаты своего поиска и выводы до широкого круга людей, поскольку уже тогда он понимал, что это более важное направление в отношении улучшения здоровья нации по сравнению с попытками ликвидации последствий, к которым приводит неправильный образ жизни. По сути, это и были первые попытки сформулировать рекомендации по профилактике сердечно-сосудистых заболеваний, соблюдение которых сегодня рассматривается как важнейшее условие увеличения продолжительности жизни и повышения ее качества.

Важное место в жизни Николая Михайловича занимал еще один вид деятельности — в 1960 г. он возглавил отдел биоэнергетики Института кибернетики Академии наук Украины, где изучались проблемы создания искусственного разума и моделей искусственного интеллекта, вопросы психологии и социологии, моделирования систем общества и личности. Проведя тысячи сложнейших операций на сердце, он так и не привык относиться к смерти больных по-философски. Ни одна неудача в операционной не проходила для него бесследно, и в критические моменты он переключался на кибернетику, философию, социологию, пытаясь представить хотя бы на бумаге оптимальную модель общества, которая обеспечивала бы реализацию

Е.Н. Амосова

возможностей и лучшие условия жизни как можно большему количеству людей.

Вторая специальность отца — он защитил в свое время диплом инженера — пригодилась, когда после визита в одну из западных кардиохирургических клиник он решил сконструировать аппарат искусственного кровообращения (АИК) и действительно сделал это с помощью инженеров. Такие вещи, как первый «рыжий» АИК, как его называли, на мой взгляд, достойны стать экспонатами музея отечественной кардиохирургии, если такой когда-нибудь создадут.

Профессиональные неудачи отразились на общении Николая Михайловича с семьей?

— Как и каждый человек, который живет своим делом, он не мог оставить все рабочие проблемы за дверью перед тем, как встретиться с семьей, и мы научились угадывать с первого взгляда, уместно ли сегодня задавать вопросы или лучше оставить его в покое. Такой негласный, но жесткий тренинг чувства такта с самого детства очень пригодился мне в дальнейшем — в моей семейной жизни мне не пришлось идти путем проб и ошибок для того, чтобы научиться понимать, насколько важно не докучать ненужными советами и вопросами в неподходящие моменты. Отец был не только руководителем клиники, но и настоящим ученым, писателем и общественным деятелем, что отнимало достаточно много времени и сил; но, несмотря на занятость, он всегда находил время для занятий и бесед со мной. Мне повезло, что мой отец осознавал важность моего воспитания и образования, которое началось в очень раннем возрасте (обучение чтению — с трех лет, английскому — с четырех), постоянного расширения кругозора: театры, выставки, музеи... Он был не только выдающимся ученым, но и талантливым отцом, что не так часто встречается в жизни.

Николай Михайлович с воодушевлением воспринял перестройку, и в 1989 г. снова стал народным депутатом, был избран в Верховный Совет СССР. Разочарование пришло быстро?

— Очень быстро, уже через несколько месяцев отец понял, что дальше пустых прений дело не движется. Однако независимость Украины он приветствовал. Представьте себе человека, который мог мыслить такими категориями и столь широко: русский по национальности, проживший значительную часть жизни в России, он много размышлял о месте Украины в мировом сообществе и в своей брошюре «Идеология для Украины» обозначил ее дальнейший путь развития как европейский, но не с Россией.

Несмотря на то что мои родители жили всегда очень скромно, отец в конце жизни не был склонен подсчитывать, сколько ему должно государство, хотя неоднократно бывал за границей и видел огромную разницу между уровнем жизни наших хирургов и западных. Когда Николаю Михайловичу понадобилась

Академик Н.М. Амосов

операция по протезированию аортального клапана, которую в связи с запущенностью порока, тяжестью состояния и преклонным возрастом можно было сделать только в западной клинике, ему даже в голову не пришло, что деньги на лечение можно просить у государства. Денежные средства на операцию были выделены из бюджета г. Киева, первым почетным гражданином которого был академик Н.М. Амосов. «Могли и не дать...», — писал по этому поводу отец в своих воспоминаниях. В конце жизни, как и на всем ее протяжении, мысль о материальных благах не занимала его: у него было нечто большее — его мысли, информация, потребность в которой он ощущал постоянно.

Ваша фамилия чаще помогала или мешала на жизненном и профессиональном пути?

— Скорее, обязывала. Я всегда понимала, что с меня спрос будет больше, что я не имею права даже на малейшие неудачи во время учебы в институте, а значит, чтобы сдать экзамен на «пять», я должна подготовиться на «шесть» для исключения малейшей вероятности затруднения с ответом на вопрос экзаменатора.

Сейчас это называют перфекционизмом, а тогда я просто хотела доказать, что все, чего я добиваюсь и добьюсь в будущем, это моя заслуга, результат моего труда. И доказывать это мне приходилось постоянно — не только в институте, но и в практической врачебной работе, в научной деятельности.

Как сегодня Вы оцениваете уровень знаний студентов, обучающихся и сдающих экзамены на Вашей кафедре, и, соответственно, уровень подготовки молодых специалистов?

— Думаю, что не выдам желаемое за действительное, если скажу, что лучшие из сегодняшних студентов и молодых врачей обладают большими знаниями и умениями в области терапии, чем лучшие студенты моего поколения.

Н.М. Амосов всегда был готов поделиться уникальным опытом

Это естественно, ведь сегодня обеспечен широкий доступ к любой информации, передовым международным стандартам диагностики и лечения. Другой вопрос — отсутствие мотивации у молодых врачей к использованию этой информации и к работе в практической медицине вообще. К сожалению, большое количество хорошо подготовленных студентов так никогда и не переступают порог медицинских учреждений в качестве их сотрудников.

Учитывая нынешнее положение медицинских специалистов, которые, даже работая на полторы ставки и имея высшую категорию, не могут материально обеспечить себя и свои семьи, данная ситуация не удивляет.

Эта ситуация, в свою очередь, усугубляет другую, не менее критическую — ситуацию с отечественной медицинской наукой, которая сегодня фактически существует только благодаря энтузиазму и личным возможностям отдельных людей, занимающихся, как я иногда говорю, своей «мелкой» наукой. Отдельные выступления украинских докладчиков на международных научных медицинских форумах о результатах проведенных работ, безусловно, вызывают гордость. Однако состояние науки в целом в любом государстве оценивается по другим критериями, в число которых входит количество Нобелевских лауреатов — граждан этой страны, открытий, получивших мировое признание и применение. Тем не менее я не считаю, что увеличение финансирования медицинской науки является главной задачей нашего государства на современном этапе. На мой взгляд, более важной целью должно служить обеспечение доступности лечения в соответствии с современными стандартами для «пересичних» граждан нашей страны, чего, увы, мы сегодня не наблюдаем.

Какое-то время Вы были главным кардиологом Украины и добровольно оставили эту должность. Вы и сегодня думаете, что нельзя добиться реальных изменений в существующей системе?

— На должность главного кардиолога Украины я была назначена «заочно», меня просто поставили перед фактом, и энтузиазма я не испытывала с самого начала, поскольку уже тогда понимала, что при существующей системе управления от меня ничего не будет зависеть и мне не удастся добиться даже минимальных изменений в системе оказания медицинской помощи кардиологическим пациентам.

Для изменения ситуации планирование развития системы здравоохранения должно основываться прежде всего на научных предположениях и желании помочь людям, а не на чьих-то PR-стратегиях. И в этом отношении нам не нужно что-то изобретать — достаточно использовать уже существующие схемы и модели, разработанные в развитых странах, а также устранить коррупцию, которая насквозь пронизывает наше общество. Пока этого не произойдет, добиться изменений будет невозможно.

Означает ли это, что Вас посещает чувство безысходности от того, что Вы не можете реализовать на практике те возможности, которые существуют для Вас как специалиста и для Ваших пациентов?

— «Цена» недоступности достижений современной медицины для тяжелых пациентов — их жизнь... В соизмерении с этим стыдно говорить о неудовлетворенности от работы в украинской системе здравоохранения.

Однако у меня нет большого сожаления о том, что могло бы состояться где-то в другом месте при других условиях. Состоялась интересная, наполненная любимым делом, прекрасными событиями и любящими людьми жизнь. К счастью, в моей работе есть много вещей, которые зависят только от меня. Чего стоит одно только чувство победы, которое охватывает после того, как ты «разгадал» сложного пациента или существенно помог ему. А интерес в глазах студентов и врачей, а тишина в заполненных учебных аудиториях во время лекций! Это дает такой мощный заряд на долгое время, что опускать руки или сожалеть о чем-то несостоявшемся не приходится.

Жить сейчас особенно интересно, так как открыт доступ к любой научной информации, есть определенное признание среди украинских коллег и международное признание результатов моей «мелкой» науки, есть идеи для ее дальнейшего развития и возможности для реализации. И есть понимание и поддержка близких!

Как Вы предпочитаете отдыхать? Есть ли у Вас какие-либо увлечения, хобби?

— Как и отец, я совершенно не умею и не люблю отдыхать в том смысле, как принято это понимать. Безусловно, в моей жизни присутствует место для отдыха после работы — без этого невозможно провести следующий полноценный рабочий день. Но отпуск, длящийся более недели, не приносит мне ничего, кроме ощущения скуки и желания как можно скорее вернуться к работе, ко всем проблемам.

Увы, у меня достаточно узкий круг интересов и он опять-таки в основном замкнут на работе. Из занятий, которым я могу предаваться с огромным удовольствием, пожалуй, стоит назвать только чтение. Любовь к литературе, возникшая еще в детстве, — это еще одна заслуга отца. К остальным вещам, которые могли бы служить в качестве увлечения или хобби, я всегда была достаточно равнодушна, и меня это немного удручает.

Работа — мое самое сильное увлечение в жизни, и мне до сих пор кажется, что профессия врача — одна из самых лучших в мире. Остается только сожалеть, что пока в нашей стране труд врача настолько недооценен, что зачастую необходимость заработать становится причиной отступления от основных принципов этой профессии. И я не могу сегодня дать четкий ответ на вопрос, вправе ли общество, которое, собственно, и допустило создание такой ситуации, осуждать медиков за это.

Чего Вы не приемлете в людях и что больше всего цените?

— Сразу отнесу порядочность и честность к норме жизни. Что касается других качеств, то не приемлю ни в каком виде самоутверждения за счет унижения других людей, прежде всего стоящих ниже по служебной лестнице, лживости, мании величия. Неприятие вызывает также и «прогибание» под кого-то, особенно в превентивном порядке, «на всякий случай».

Больше всего ценю в людях ум. Каждая встреча с ярким, умным человеком — это большой подарок судьбы.

На утреннем обходе

«Я должен посмотреть, все ли сделано как надо...» («Мысли и сердце», 1965 г.)

Николай Михайлович написал книгу «О счастье и несчастьях». С каких позиций Вы сегодня рассматриваете эти категории?

— Это не такой сложный вопрос, как кажется на первый взгляд, и я его рассматриваю с тех позиций, что и мой отец, а он делал это с точки зрения рациональности, а не эмоций.

Отец дал мне понять, что самое большое удовлетворение можно испытать, когда ты смог помочь, а не накопить или урвать что-то для себя. Определять в качестве главной цели удовлетворение от материальных благ — удел ущербных людей, и это ни в какое сравнение не идет с тем удовлетворением, которое получаешь, осознавая, что ты не зря живешь. Заниматься только об удовлетворении своих материальных потребностей нерационально.

Рациональный путь к счастью, согласно рассуждениям Николая Михайловича, — это минимизация возможных несчастий собственными усилиями. Отец в разные периоды жизни составлял список, в котором различные виды его деятельности располагались в зависимости от их важности для общества и степени удовлетворенности, которую он испытывал, занимаясь этим. В разное время составляющие этого списка менялись местами, как изменялась и оценка в баллах удовлетворения от того или иного вида деятельности. При этом отец анализировал, что можно сделать для того, чтобы минимизировать несчастья и, следовательно, увеличить степень счастья. К таким действиям относятся, например, регулярные занятия физкультурой, ограничения в еде, то есть мероприятия, позволяющие сохранить здоровье, что является важнейшим вкладом в состояние счастья в противоположность болезням — важнейшему источнику несчастья. Правильный выбор профессии, приложение усилий, чтобы состояться в ней, постоянная работа над собой в плане контроля моральности собственных поступков и эмоций (что предупреждает ответную отдачу в виде негатива от окружающих, прежде всего близких людей) — это тоже шаги по тому рациональному пути, который ведет к состоянию счастья. Этот путь вполне по силам человеку, способному к постоянной работе над собой и выполнению простых правил повседневной жизни, основанных на здравом смысле. Мне хочется верить, что я иду именно этим путем.

Подготовила Наталья Очеретяная

